

Когда сквозь щели в шторах пробился утренний свет, Му Тан проснулся от аромата, щекотавшего ноздри.

Это был не привычный сладкий запах молока и не хлебный дух тостов, а нечто сливочно-карамельное — словно те самые круассаны, что недавно пекла тетушка Чжан. Он перевернулся на другой бок, потерся щекой о простыню и с легкой грустью вспомнил вчерашние креветочные пельмени — от их вкуса во рту почти ничего не осталось.

Посмаковав остатки воспоминаний, он подошел к зеркалу, окинул взглядом свое красивое лицо и принял эффектную позу. Уходя утром, Му Юй небрежно сунул ему в карман черную карту, сказав, чтобы тот ни в чем себе не отказывал, — тон был таким естественным, будто вчерашнего вечера и вовсе не было.

— Проснулся? Вставай скорее, Чжоу Мин тебя внизу ждет, — донесся из-за двери голос старшего брата, в котором слышалась легкая усмешка. — Если не поторопишься, тетушка Чжан скормит твои круассаны бездомным котам.

Му Тан пулей вскочил с кровати, схватил первую попавшуюся футболку и натянул ее на ходу. Вчера они с Чжоу Мином договорились пойти по магазинам, чтобы обновить гардероб. На самом деле Му Тан просто хотел воспользоваться случаем и как следует осмотреться — с тех пор как он попал в этот мир почти полмесяца назад, он не выходил дальше ворот виллы.

Сбежав по лестнице в тапочках, он обнаружил в гостиной парня в ярко-желтом худи, который, склонившись над журнальным столиком, отчаянно сражался с тетушкой Чжан за последний круассан. Услышав шаги, он резко обернулся — это был Чжоу Мин, чье лицо было перепачкано сливочным маслом.

— Му Тан! Наконец-то ты встал! — Чжоу Мин запихнул круассан в рот и пробормотал с набитым ртом: — Еще десять минут, и я бы ворвался в твою комнату и сорвал с тебя одеяло!

Му Тан рассмеялся и сел за стол. Тетушка Чжан уже приготовила завтрак: стакан горячего молока, два круассана и маленькая розетка с клубничным джемом. Он откусил кусочек — рассыпчатое тесто в сочетании со сливочным ароматом таяло во рту, сладость была идеальной.

— Ешь медленнее, никто у тебя не отберет, — старший брат подошел с чашкой кофе и сел рядом. Его взгляд задержался на щеке брата. — Мазью пользовался?

— Угу, — кивнул Му Тан, невнятно ответив с полным ртом. — Второй брат утром дал.

— У твоего второго брата сегодня съемки рекламного плаката, он уехал в пять утра, — улыбнулся старший. — Просил передать, что привезет тебе коллекционную модель пианино, когда вернется.

На сердце у Му Тана потеплело, но стало немного неловко.

— Кстати, — старший словно что-то вспомнил, достал из кармана серебряное кольцо и положил перед Му Таном. — Пора сменить подавитель. Вот новый, надевай.

Это был изящный металлический ободок, тоньше обычных подавителей, с выгравированным тонким узором. Внутренняя сторона, соприкасающаяся с кожей, мягко поблескивала. Му Тан взял его и аккуратно застегнул на запястье. Холод металла пробежал по коже, мгновенно подавляя странное беспокойство, затаившееся в глубине души.

В эту эпоху, где альфы и омеги словно живут в разных мирах, подавитель — обязательный атрибут для выхода омеги в свет. Он скрывает феромоны и до определенной степени защищает от давления альф. Раньше за подавителями Му Тана всегда следил старший брат, говорят, он использовал лучшие материалы, такие даже в армии применяют.

— Ну все, доедай скорее, не заставляй Чжоу Мина ждать, — старший похлопал его по плечу.

Му Тан проглотил завтрак, схватил рюкзак с дивана и вместе с Чжоу Мином выбежал на улицу. Ворота виллы медленно разъехались, открывая залитую солнцем каменную дорожку. Чжоу Мин припарковал свой вызывающе красный спорткар у фонтана, двигатель машины тихо урчал.

— Садись! — Чжоу Мин помахал ему рукой и открыл пассажирскую дверь.

Му Тан уселся в салон и, пристегиваясь, не удержался от вопроса:

— Слушай, а эта машина... когда ты ее купил? В прошлый раз, когда мы виделись, ты был на электрокаре.

— На прошлой неделе взял, отец премировал за успехи на экзаменах, — Чжоу Мин гордо вскинул подбородок и завел мотор. — Ну как? Круто?

Спорткар плавно выехал из элитного поселка и влился в поток машин на главной дороге. Му Тан опустил стекло, и шум города ворвался в салон, взъерошив ему волосы. Платаны за окном мелькали один за другим, а пробивающееся сквозь листву солнце рассыпалось по его лицу золотыми искрами.

Он смотрел на проносящийся мимо пейзаж, широко открыв глаза.

Высотки тянулись одна за другой, их стеклянные фасады отражали синее небо и облака; прохожие куда-то спешили, одетые в самые разные наряды; из уличных кафе доносился густой аромат кофе, а молодежь на открытых верандах о чем-то оживленно болтала... Все это было так похоже на его прежний мир, и в то же время — совершенно иначе.

Похожим было это живое, пульсирующее ощущение жизни, а другим — легкий запах феромонов от проходящих мимо альф, приглушенный подавителями, да огромный экран на углу улицы, где крутили трейлер фильма с Му Юем в главной роли.

— Ты чего застыл? Душа в пятки ушла? — Чжоу Мин помахал рукой перед его лицом. — У тебя такое выражение, будто ты только что из глухой деревни выбрался.

Му Тан опомнился и смущенно улыбнулся:

— Да нет, просто... здесь так оживленно.

— Еще бы, это же центр города! — Чжоу Мин скривился. — Кстати, что с тобой сегодня? Ты ведь сам согласился пойти по магазинам. Раньше я тебя десять раз звал, девять из которых ты отсиживался дома за пианино, а в десятый тебя заставлял идти старший брат.

Му Тан почесал затылок. Он не мог признаться, что хочет изучить этот мир, поэтому нашелся с ответом:

— Просто надоело сидеть дома, решил проветриться.

— Солнце встало на западе? — приподнял бровь Чжоу Мин. — Ты что, до сих пор не оправился от температуры? — он потянулся потрогать его лоб. — Дай-ка проверю, не бредишь ли ты еще?

— Отвали! — Му Тан отмахнулся, чувствуя, как краснеют щеки. — Я в полном порядке!

Чжоу Мин расхохотался, и спорткар свернул на пешеходную улицу. Здесь было ещелюднее: повсюду лотки с украшениями, закусками и поделками, шум голосов сливался в хаотичную, но полную энергии песню.

— Сначала по одежде? — Чжоу Мин припарковал машину и кивнул на ряд элитных бутиков неподалеку. — Мама говорила, тот новый Живанши неплох, заглянем?

Му Тан посмотрел в ту сторону. У входа в просторный магазин стояли двое продавцов в черных костюмах, их улыбки были настолько стандартизированы, будто их скопировали. В витрине висели вещи, которые уже на вид стоили целое состояние, а идеальное освещение подчеркивало фактуру ткани.

Он сглотнул, колеблясь. Раньше одежду ему покупали старшие братья, сам он никогда не заходил в такие места, которые казались ему недостижимыми.

— Идем, чего застыл? — Чжоу Мин потянул его за рукав. — Твой второй брат — кинозвезда, не стыдно ли тебе, его брату, выглядеть как оборванец?

Поддавшись на уговоры, Му Тан вошел в магазин, и его глаза разбежались.

На высоком потолке сияла хрустальная люстра, свет от которой напоминал звезды; стены нежно-бежевого цвета украшали абстрактные картины; на полках аккуратно лежали вещи — от строгих костюмов до худи, каждая из которых казалась произведением искусства. В воздухе витал тонкий, дорогой аромат.

— Ух ты... — не удержался он, широко раскрыв глаза, словно деревенский житель, впервые попавший в императорский дворец.

Чжоу Мин рассмеялся и растрепал ему волосы:

— Ты чего, Му Тан? Дома совсем одичал? Это же просто магазин одежды, чего так удивляться?

Му Тан понял, что ведет себя странно, и поспешил принять невозмутимый вид. Он взял серое худи, делая вид, что изучает его:

— Да нет, ничего, просто... ткань неплохая.

— Еще бы, ты посмотри на ценник, — Чжоу Мин подошел ближе, взял черную куртку и приложил к нему. — Эта хороша, примерь?

Продавец тут же подошел с вежливой улыбкой:

— У молодых господ отличный вкус. Это новая модель, итальянская ткань, легкая и теплая, как раз на этот сезон.

Му Тан смутился от обращения «молодой господин», покраснел и покачал головой:

— Я еще посмотрю.

Он отошел к другой стойке, перебирая пальцами мягкие свитеры. Он совсем не разбирался в моде. В своем мире он носил футболки и джинсы за копейки, откуда ему было знать толк в таких вещах?

Но теперь он Му Тан, третий молодой господин семьи Му, брат знаменитого актера, и, кажется, он обязан соответствовать этому статусу.

— Как тебе эта? — Чжоу Мин подошел с нежно-голубой рубашкой. — По-моему, тебе очень пойдет, освежает.

Му Тан взял рубашку и приложил к себе. В зеркале отражался парень в простой белой футболке и джинсах, лицо было еще немного бледным, с не до конца сошедшими красными следами, но взгляд — чистый, как горный ручей. В этой голубой рубашке он действительно выглядел куда презентабельнее.

— М-м, неплохо, — кивнул он.

— Тогда берем, — Чжоу Мин сунул рубашку в пакет продавцу и снова принялся выбирать. — Посмотрим брюки, а то твои джинсы уже до белизны застираны.

Му Тан следовал за ним, поражаясь тому, как легко тот выбирает вещи, словно покупает овощи на рынке. Семья Чжоу Мина была обеспеченной, но все же не чета Му, однако тратил он деньги куда свободнее.

— Это, это и вон то — заверните, — Чжоу Мин указал на несколько вещей, а потом повернулся к другу: — Посмотри сам, может, еще что-то приглянулось?

Му Тан покачал головой:

— Хватит, не нужно столько.

— Ничего, отец как раз дал мне денег на карманные расходы, я угощаю, — Чжоу Мин хлопнул себя по груди. — Считаю это празднованием того, что ты наконец-то согласился погулять со мной.

Му Тан хотел отказаться, но Чжоу Мин уже подтолкнул его к примерочной:

— Примерь этот костюм, хочу посмотреть, как ты в нем будешь выглядеть.

В примерочной было тесно, зеркала сияли чистотой. Му Тан снял футболку и надел темно-серый пиджак. Ткань была плотной, крой — безупречным, подчеркивающим его стройную, но статную фигуру. Он покрутился перед зеркалом, не веря, что человек в отражении — это он сам.

Оказывается, он тоже может выглядеть... как богач.

— Выходи, покажись! — крикнул снаружи Чжоу Мин.

Му Тан глубоко вздохнул и открыл дверь. Чжоу Мин присвистнул:

— Ничего себе, Му Тан! Не думал, что ты в костюме такой красавчик, почти как твой второй

брат.

Продавец тоже подхватил:

— Молодому господину очень идет этот костюм. У него такой благородный вид: и свежесть юности, и серьезность, прямо как маленький принц.

Му Тан еще больше покраснел и замахал руками:

— Ладно-ладно, я сниму, я такое обычно не ношу.

Он хотел вернуться в примерочную, но Чжоу Мин удержал его:

— Не вздумай, берем этот, он потрясающий.

Пока они препирались, у Му Тана зазвонил телефон. Он посмотрел на экран — незнакомый номер. Поколебавшись, ответил:

— Алло, здравствуйте.

— Это молодой господин Му Тан? — на том конце послышался мягкий женский голос, звучавший немного неуверенно. — Это Линь, агент господина Му Юя. Вы сейчас свободны?

Му Тан замер:

— Госпожа Линь? Я Му Тан, что-то случилось?

Линь была агентом его второго брата. В памяти прежнего владельца тела она осталась как деловая, хваткая женщина, которая много лет работала с Му Юем и всегда была очень вежлива с семьей Му.

— Понимаете, — голос Линь звучал обеспокоенно, — Му Юй сейчас на съемках рекламной фотосессии, нам срочно нужен молодой парень для кадра, а найти никого не удалось. Му Цзинь сказал, что вы где-то неподалеку. Не могли бы вы приехать и помочь? Это не отнимет много времени.

Му Тан машинально посмотрел в окно и понял, что они недалеко от офиса второго брата — даже отсюда была видна стеклянная высотка с надписью «Звездный путь Медиа».

— Я... — он замялся, вспомнив вчерашнее наказание в кабинете, и внутри все сжалось.

— Молодой господин Му Тан, умоляю, это всего на пару минут, — в голосе Линь слышалась просьба. — Му Юй сказал, если вы приедете, он вечером накормит вас вкусным ужином.

Чжоу Мин, услышав это, ткнул его в бок и прошептал:

— Иди, иди! Посмотрим, как снимают кинозвезд, я такого еще ни разу не видел.

Му Тана это заинтересовало, да и отказывать госпоже Линь было неловко. Он кивнул:

— Хорошо... я сейчас буду.

Повесив трубку, он поспешил переодеться. Чжоу Мин уже оплатил покупки и с пакетами ждал его.

— Серьезно идем? — Чжоу Мин был в восторге. — Можно мне с тобой? Я только посмотрю издали, обещаю не мешать.

Му Тан подумал, что Линь не запрещала приводить друзей, и кивнул:

— Думаю, можно.

Они быстро вышли из магазина, Чжоу Мин закинул пакеты в багажник, и они помчались к зданию «Звездного пути». Через несколько минут машина уже стояла у входа.

Едва они вышли, как к ним подбежала Линь с виноватой улыбкой:

— Молодой господин Му Тан, простите за беспокойство, просто ситуация сложилась непредвиденная.

— Ничего страшного, госпожа Линь, — Му Тан покачал головой и указал на Чжоу Мина: — Это мой друг Чжоу Мин, он хотел посмотреть, можно?

— Конечно, — легко согласилась Линь, приветливо поздоровалась с Чжоу Мином и повела их внутрь. — Проходите, господин Му Юй как раз наверху, заканчивает съемку.

Холл компании был роскошным: хрустальные люстры, мраморный пол и постеры артистов на стенах. Самым заметным был огромный плакат Му Юя: он стоял под дождем в черном плаще, с меланхоличным взглядом, словно сошедший с экрана киногерой.

У Чжоу Мина глаза загорелись:

— Твой второй брат такой красивый! Надо будет купить такой постер и повесить у себя в комнате.

Му Тан рассмеялся, но не успел ничего ответить — Линь уже завела их в лифт.

На 18-м этаже, как только двери открылись, их встретил шум рабочей суеты. Студия была огромной, повсюду осветительные приборы, камеры, персонал, снующий туда-сюда — все было четко организовано.

Му Юй стоял в центре студии в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, воротник был расстегнут, обнажая изящную линию ключиц. Он поправлял перед зеркалом волосы, его профиль в свете прожекторов казался особенно четким, а родинка в уголке глаза была видна отчетливо.

— Му Юй, они пришли, — позвала Линь.

Му Юй обернулся. Увидев Му Тана, он заметно замер, в его янтарных глазах промелькнуло удивление. Он отложил лак для волос и быстро подошел к ним:

— Ты как здесь оказался?

— Госпожа Линь сказала, что нужна помощь, — Му Тан смущенно почесал затылок. Встретившись с ним взглядом, он невольно вспомнил вчерашнее, тело словно сковало заклятием, он застыл, а на лице появилась вымученная улыбка. — Здравствуй, второй брат.

Му Юй, глядя на него, усмехнулся и взъерошил ему волосы:

— Редкий гость. Удивительно, что ты решил выйти из дома в выходной.

Его движения были естественными, в них сквозила теплота, никакой вчерашней строгости. Му Тан выдохнул, напряжение внезапно отступило, и он улыбнулся в ответ:

— Мы с Чжоу Мином по магазинам ходили.

— Ясно, — кивнул Му Юй и, посмотрев на Чжоу Мина, с улыбкой протянул руку. — Чжоу Мин, верно? Часто слышу твое имя от А Тана.

Чжоу Мин явно не ожидал, что кинозвезда первым подаст ему руку. Он покраснел от волнения и поспешно ответил:

— Здравствуйте, господин Му Юй! Я ваш фанат! Особенно люблю «Темную битву»!

— Спасибо, — улыбнулся Му Юй, отпуская руку, и повернулся к Линь: — Скорее несите одежду, пусть А Тан переоденется.

Вскоре ему принесли рубашку, похожую на ту, что была на Му Юе, но немного большего размера. Му Тан ушел в гримерку, а когда вышел, все в студии ахнули.

Его кожа была очень светлой, в белом он казался еще прозрачнее и чище. Воротник рубашки был широковат, открывая ключицы, что придавало ему невинный вид. Волосы Линь слегка поправила, и теперь челка мягко падала на лоб, а в глазах светилась чистота, как у маленького принца, не знающего забот.

— Поразительно, — прошептал гример. — Стоят рядом, как родные братья.

Му Тан смутился и подошел к Му Юю. Тот окинул его взглядом и кивнул:

— Сойдет. Не опозорил меня.

«А мы и есть родные братья», — про себя проворчал Му Тан.

Фотограф начал командовать:

— Господин Му Юй, молодой господин Му Тан, ближе друг к другу, да, вот так... Господин Му Юй смотрит в камеру, молодой господин Му Тан смотрит на брата... Отлично, замрите...

От света ламп стало жарко. Му Тан стоял прямо, чувствуя себя неловко и не зная, куда деть глаза. Му Юй заметил это и прошептал так, что слышал только он:

— Не нервничай, води себя так, будто мы просто стоим вместе.

Его голос был мягким и успокаивающим. Му Тан глубоко вздохнул и повернулся к нему, встретившись с его смеющимися глазами. В них не было вчерашнего холода или отстраненности, только та же нежность и терпение, что были в детстве, когда брат учил его играть на пианино.

«Щелк, щелк» — затвор камеры не умолкал.

Му Тан постепенно расслабился и даже смог искренне улыбнуться объективу. Оказалось, что фотографироваться со вторым братом не так уж и страшно.

Съемка прошла быстрее, чем он ожидал — меньше чем за полчаса все было кончено. Сотрудники окружили Му Тана, наперебой хваля его талант и говоря, что он фотогеничнее

многих профессиональных моделей. Му Тан краснел и только отмахивался.

Как только съемка закончилась, Му Юй снял рубашку, перекинул ее через руку и направился к Му Тану, который о чем-то шептался с Чжоу Мином. Его тон не допускал возражений:

— Раз уж после обеда у меня нет дел, вы двое идете со мной.

Му Тан почувствовал, как сердце ушло в пятки.

— Второй брат, куда?

— В музыкальную комнату, — Му Юй приподнял бровь, глядя на их окаменевшие лица, и в уголках его губ заиграла лукавая улыбка. — У тебя по теории музыки сплошные двойки, почему бы не подтянуть знания в выходной? А Чжоу Мин говорил, что хочет попробовать себя в актерстве? Пение — база для любого артиста, заодно и потренируетесь.

Лицо Чжоу Мина вытянулось, словно проколотый воздушный шар. Он потянул Му Тана за рукав:

— Да ладно... поход по магазинам превратился в съемки, а съемки — в уроки музыки? Сюжет развивается слишком стремительно...

Му Тан тоже хотел взвыть, но, встретившись с насмешливым взглядом Му Юя, проглотил слова. Он слишком хорошо знал характер второго брата: когда тот кажется мягким, он все равно стоит на своем, а если упрется — неизвестно, что еще придумает.

— Пошли, — Му Юй, не слушая возражений, подхватил пакеты с покупками Му Тана одной рукой, а другой подтолкнул Чжоу Мина к лифту. — У меня в студии есть музыкальная комната, звукоизоляция отличная, никто не помешает.

Атмосфера в лифте была гнетущей. Чжоу Мин тайком подмигивал Му Тану, изображая жест «бегства», но тот лишь беспомощно качал головой — сбежать у Му Юя на глазах? Только если он хочет снова испытать на себе вкус линейки.

Студия Му Юя находилась на верхнем этаже, там было гораздо тише. За дверью музыкальной комнаты стоял черный рояль, солнечный свет пробивался сквозь жалюзи, отбрасывая причудливые тени на клавиши. В углу стояла стойка с гитарой, рядом — стопки нот, в воздухе пахло легкой дезинфекцией, видимо, здесь недавно убирались.

— Садитесь, — Му Юй бросил пакеты на диван и указал на банкетку у пианино.

Му Тан медленно сел, но, едва коснувшись клавиш, тут же отдернул пальцы, будто обжегся.

Чжоу Мину повезло еще меньше — Му Юй сунул ему ноты, и тот сидел на стуле, ерзая, словно преступник в ожидании приговора.

— Начнем с гамм, — Му Юй сел рядом. От него пахло сандалом вперемешку с солнечным теплом, гораздо отчетливее, чем на вилле. — До-мажор, темп медленнее, следи за формой рук.

Му Тан глубоко вздохнул и нажал на клавиши. До, ре, ми, фа, соль, ля, си... Гамма получалась корявой, пальцы слушались плохо, как у деревянной куклы, постоянно ошибаясь при переходе. Чем больше он нервничал, тем сильнее путался. На лбу выступил пот. Он украдкой взглянул на Му Юя и увидел, что тот пристально следит за его руками, слегка нахмурившись. Му Тан тут же отвел взгляд.

— Стоп, — Му Юй поднял руку. — Запястье слишком жесткое, расслабься, будто держишь яйцо. — Он накрыл руку брата своей, слегка надавив. — Чувствуешь? Сила в кончиках пальцев, запястье должно быть мягким.

От тепла его ладони по телу пробежала дрожь, сердце забилося чаще, и запястье, которое только что было каменным, действительно расслабилось. Он снова начал играть, следуя указаниям брата, и гамма зазвучала гораздо чище.

— Неплохо, — Му Юй убрал руку, его тон стал мягче. — Еще раз.

Стоило пианино зазвучать, как Чжоу Мин начал свою «пытку». Он во весь голос затянул «O Sole Mio», но фальшивил так, что мог бы обогнуть земной шар, а на высоких нотах голос срывался, как у кота, которому наступили на хвост.

Му Тан «прыснул» со смеху, и только что выученная гамма снова рассыпалась.

— Чего смеешься? — Му Юй постучал по крышке пианино. — Сначала сам научись играть, а потом других суди. — Он повернулся к Чжоу Мину, который обхватил голову руками: — Чжоу Мин, не ори во все горло, используй диафрагмальное дыхание, опусти воздух ниже.

Чжоу Мин с несчастным видом пробормотал:

— Господин Му Юй, я правда не умею, у меня нет слуха...

— Именно поэтому и надо тренироваться, — Му Юй встал, подошел к Чжоу Мину и взял ноты. — Повторяй за мной: вдох, выдох... правильно, плечи не поднимай, словно нюхаешь цветок... — Он продемонстрировал фразу, его голос был низким и бархатным, еще красивее, чем в записи. — Понял? Так петь легче.

Чжоу Мин попытался вдохнуть, но перестарался и чуть не поперхнулся, вызвав у Му Тана новый приступ смеха.

— Тан Тан, — внезапно позвал Му Юй, и в его голосе прозвучали мягкие нотки. — Вижу, у тебя много энергии. Может, сыграешь что-нибудь? Ту пьесу, которую ты начал разучивать в прошлый раз?

Улыбка Му Тана мгновенно застыла на лице. Он медленно поднял руки, и его пальцы опустились на клавиши. Снова полилась та же нескладная мелодия, отражающая смятение в его душе. На полпути он хотел остановиться, но Му Юй прижал его руку к инструменту:

— Продолжай. Доиграй до конца.

Пришлось играть через силу. Ошибки следовали одна за другой, ритм сбивался, и даже самому Му Тану было неприятно это слушать. Когда прозвучала последняя нота, он опустил голову и замер в ожидании нагоняя.

— Лучше, чем в прошлый раз, — неожиданно для всех произнес Му Юй, не став его критиковать. — По крайней мере, не бросил на полпути.

Он взял на клавишах аккорд, переложив только что сыгранную мелодию на новый лад, и прежде хаотичный мотив внезапно обрел стройность и плавность.

— Видишь? Стоило немного подправить — и все зазвучало, — сказал Му Юй. — Теория музыки подобна этим аккордам: кажется сложной, но на самом деле подчиняется определенным правилам.

Му Тан замер и поднял на него взгляд. Солнечные лучи падали на профиль Му Юя, отбрасывая мягкую тень от ресниц на веки, а золотая оправка очков поблескивала на свету. Сейчас он был совсем не похож на того строгого второго брата, который вчера читал ему нотации.

— Давай еще раз, следуй за моими аккордами, — голос Му Юя стал мягче.

Му Тан кивнул и снова заиграл, опираясь на память об аккордах. Пусть выходило все еще неловко, но это было в разы лучше, чем раньше — по крайней мере, музыка перестала напоминать спутанный клубок.

Чжоу Мин, наблюдавший за этим со стороны, лишь цокнул языком и шепнул Му Тану:

— Твой брат так разительно меняется, это просто невероятно. Только что был как завуч, а теперь — учитель музыки.

Му Тан промолчал, но на душе стало тепло. Он, кажется, начал понимать, почему прежний хозяин этого тела одновременно и боялся второго брата, и не мог без него обходиться. Му Юй был прямолинеен и резок, но нежность, скрытая под его строгостью, напоминала долгое, согревающее эхо фортепианных клавиш.

— Хорошо, десять минут перерыва, — Му Юй взглянул на часы и закрыл ноты. — Позже разучим простую песню для дуэта.

Чжоу Мин, словно получив помилование, обмяк на стуле и завыл:

— У меня связки скоро откажут... Му Тан, твой брат всегда устраивает такие «адские тренировки»?

Му Тан вспомнил из воспоминаний прежнего владельца образа кроткого, тихого брата, затем посмотрел на Му Юя, который сейчас невозмутимо пил воду из термоса, и не сдержался:

— Да нет, просто... он слишком требователен к своим.

Через десять минут началась репетиция. Му Юй выбрал старую песню «Детство» с простым и легким ритмом. Он сам показал, как ее играть, и его голос звучал настолько нежно, что Чжоу Мин застыл с открытым ртом и прошептал:

— Если он выпустит это как сингл, точно станет хитом.

Когда пришла очередь петь обоим, ситуация вновь вышла из-под контроля. Му Тан еще держался — по крайней мере, не фальшивил, — а вот Чжоу Мин напоминал ходячий генератор шума, превращая песню в нечто невообразимое.

— Стоп! — Му Юй приложил руку ко лбу, явно пытаясь сдержаться. — Чжоу Мин, ты что, комарам аккомпанируешь? Громче!

— Учитель Му Юй, я правда не тяну эту ноту... — Чжоу Мин был готов разрыдаться.

— Я показывал пять раз! — Му Юй постучал нотами по его голове. — Если не споешь нормально, сегодня останешься без ужина.

Вероятно, слово «ужин» подействовало магически. Чжоу Мин действительно поймал ритм, и хотя пел все еще с запинками, но хотя бы перестал улетать в космические дали фальши. Му Тан подхватил мелодию, и их голоса слились с фортепиано. Пусть это не было эталоном мастерства, но в этом звучании чувствовалось странное, живое веселье.

Когда солнце начало клониться к закату, из класса наконец донеслось вполне гармоничное пение. Му Юй, прислонившись к пианино, слушал, как два подростка поют вразнобой, и на его губах играла легкая улыбка. Родинка в уголке глаза казалась в сумерках особенно мягкой.

— Ладно, на сегодня все, — он посмотрел в окно. — Пойдемте, я угощаю вас хого.

— Ура! — Чжоу Мин радостно вскрикнул, едва не подбросив ноты в воздух.

Му Тан тоже выдохнул и размял затекшие пальцы. Он не чувствовал усталости, скорее странное чувство удовлетворения. Глядя на то, как Му Юй собирает ноты, он вдруг подумал, что приходить сюда на репетиции — не такая уж плохая затея.

По крайней мере, в этом дне не было упреков — только фальшивые ноты и скрытая за строгостью доброта. Как и та песня из их «Детства», неидеальная, но живая и наполненная теплом.

— Чего застыл? Пошли, — Му Юй похлопал его по плечу.

— Иду! — отозвался Му Тан и поспешил следом.

Когда они вышли из студии, вечерняя заря уже окрасила полнеба. Му Юй шел посередине: слева подпрыгивал Чжоу Мин, увлеченно рассказывая забавные школьные истории, а справа, понутив голову и пиная камешки, шел Му Тан. Заходящее солнце растянуло их тени, сплетая их в одну длинную линию, похожую на теплую картину.

Му Тан взглянул на брата, затем на закат и вдруг почувствовал, что в мелодии этого мира стало на несколько теплых нот больше.

<http://bllate.org/book/18827/1832495>